

Л. В. Красно ва

Поэтический строй «Скифов» А. Блока

«Скифы» — последнее поэтическое создание А. Блока. Это гневное обличение всех недоброжелателей России. Написанное страстно, полемично, произведение это отразило в себе, как в фокусе, весь сложный и разнообразный комплекс поэтических средств, накопленных и выработанных на протяжении творческого пути поэта. В этом смысле поэма «Скифы» — вершина поэтического гения Александра Блока. Предельная насыщенность содержания мыслями и образами, когда каждая строфа могла бы дать жизнь самостоятельному стихотворению, сочетается в поэме с отточенной формой, сложной гаммой художественных образов и средств. Излюбленные блоковские приемы: композиционный и тематический повтор, синонимические ряды, контрастное видение мира, передаваемое антонимами, оксиморонами, катахрезами, поэтические утверждения-афоризмы, особенности поэтического синтаксиса — все это представлено в поэме весьма разнообразно. Но чувства обнажены и заострены до предела, поэтому нет нужды в иносказаниях и метафорах, метафоричность и символика уступают место словам-бичам, конкретным эпитетам и сравнениям.

«Скифы» писались в течение двух дней — 29 и 30 января 1918 г., сразу же после «Двенадцати»; сама действительность торопила поэта. Революционной России нужен был мир во что бы то ни стало. Советская делегация возобновила мирные переговоры с немцами в Брест-Литовске. Переговоры велись в обстановке самых противоречивых слухов, злобного шипения потревоженных буржуа, с затаенной радостью ждавших появления на улицах советской республики рослого щуцмана — олицетворения покоя и незыблемости частной собственности. И «своя» буржуазия, и западная были ненавистны Блоку. Возможную войну с немцами, в случае срыва переговоров, Блок воспринимал как желание западной буржуазной цивилизации расквитаться с «русскими монголами» за революцию, за то, что заколебалась почва под ногами. 11 января 1918 г. Блок записал в дневнике: «Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним»¹. Полемический задор, нетерпимость и гневная страстность поэтических выпадов Блока диктовались его любовью к родине и обидой за вековую несправедливость, о которой писал

¹ А. Блок. Собр. соч. в 8-ми томах, ГИХЛ, М.—Л., т. VII, стр. 317.

и Пушкин в стихотворении «Клеветникам России». Запад сберег свою цивилизацию, хоронясь за Россией, как за щитом, а теперь угрожал ей. «Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ будет единственно достойным человека»² (VII, 317).

Историческая миссия России волновала многих поэтов после Пушкина, особенно остро этот вопрос стоял в годы мировой войны и последовавшей за ней революции. Валерий Брюсов в стихотворении «Старый вопрос» (1914), которое, несомненно, оказало некоторое влияние на Блока, как и многие другие брюсовские произведения, говорил о необходимости сплочения перед угрозой нападения каких бы то ни было врагов и утверждал величие и историческое значение своего народа. Он как будто предупреждал против возможной запальчивости и несдержанности чувств, как бы предвидя, что другие об этом не смогут писать так спокойно:

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов,
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поньше поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы — тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?..

Резко отрицательное отношение к западной буржуазной цивилизации, сложившееся во время заграничных поездок Блока, помогает и понять, и оправдать нетерпимость и крайность выпадов Блока:

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное, позднее потомство!

Предупреждая об ответственности зачинщиков перед грядущими поколениями, поэт рисует перспективу гибели Запада от рук варваров, гуннов, с которыми он порой отождествляет свой народ.

Сколь ассоциативна поэма! Мы восстанавливаем в памяти трагедии двух городов, разрушенных землетрясением, историю премудрого фиванского царевича, историю собственной страны, ее обычаев и эпоса. От поэмы то вдруг повеет нежными экзотическими ароматами, то смертным запахом битвы; здесь ретивые кони и стальные машины, слова высокой патетики и вульгаризмы — причудливое сочетание лексических потоков, идущее от общей контрастности поэмы и ее темы: война и мир, война или мир. Здесь рядом просторечная и разговорная лексика:

² Ссылки на это издание — в тексте (указаны том и страница).

шарить, рожа, лапа (рука), *пригожая, хватать*; социальные архаизмы: *холопы, рабыни*; в какой-то мере устаревшие слова: *перлы, плоть, единой, меж*; военная лексика: *жерла, пушки, меч, ножны, война, бой*; научная: *машины, интеграл*.

Контрастная двуплановость поэмы раскрывается своеобразным поэтическим строем, где переплетаются динамичность, экспрессия с умолчанием или раздумьем. Характерный блоковский повтор слова «тьмы» тут же замедляет мысль и как бы заставляет врага крепко задуматься, прежде чем начать военные действия; слова опускаются на вражьи головы, как удары молота:

Милыоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

И дальше вызов и полемический задор, усиливающийся повторением категорического «Да... да...»

Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы
С раскосыми и жадными очами!

Это ввод в поэму, начало развития темы войны и ненависти. И сразу поэма приобретает характер повествовательного монолога, воссоздающего историю отношений сторон. В строках звучит еще не утихшая боль («Мы как послушные холопы»), вызванная воспоминаниями. И здесь необходимо противопоставление («Для вас — века, для нас — единый час»).

Глухой и равнодушный к чужим несчастьям мир — это *старый горн* — одна из немногих в поэме метафор, тут же расшифрованная автором. Аллитерированное «в» с повторением слова «века» передает продолжительность, длительность этого пагубного равнодушия ко всем и ко всему, что происходило в мире (века, века ваш старый горн ковал...) Усиление звучания в этой строфе достигается не только повторением одного и того же звука и слова и многосоюзием «и», но и необычной для слова *гром* категорией множественности (...заглушал грома лавины...), которая приковывает к себе внимание.

С каждой строфой общий тон повествования становится спокойнее и снижается соответственно гиперболизация, которая начинала поэму: *милыоны, тьмы, века, сотни лет*; вместо ослепления гневом — законное возмущение, вызванное коварством Запада:

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плава наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Контрастное противопоставление Восток — Запад передается через зарифмованные образы-метонимии, несущие в себе полярные заряды — за добро — зло, за перла, богатства — изготовившиеся пушечные жерла. Выяснение отношений сторон, счет обидам завершает пятая строфа. Две первые ее строки звучат элегически, как само дыхание многовековой истории и культуры России, эхо доносит до нас строки бессмертного «Слова»:

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит...

И тут же поэт дает волю своим чувствам, доходя до прямой угрозы —

И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

Здесь Блок повторяет свой прием использования для усиления идейного звучания множественного числа вместо единственного (Пестумов).

Шестая строфа поэмы начинает новую тему — тему мира, добра; начинается движение художественного образа от зла к добру, от мрака к свету, от цивилизованного варварства к подлинному прогрессу, всеобщему процветанию и благоденствию. Так же страстно, с еще большим жаром сердца поэт призывает остановиться пока не поздно.

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Традиционный образ загадочной русской души — Сфинкс с древнею загадкой — может быть и не нуждался бы в расшифровке, но все должно быть ясно, такова поэтическая установка автора, поэтому и эта метафора незамедлительно раскрывается с присущей всей поэме категоричностью: «Россия — Сфинкс». Открывая этим утверждением строфу, поэт продолжает расшифровывать ее содержание, объясняет сложность и загадочность страны, обуреваемой самыми противоречивыми чувствами: ликуя и скорбя, глядит с ненавистью и с любовью, любовь эта и жжет, и губит, — страны, которой присущи разнообразные интеллектуальные интересы, ей свойственно глубокое знание мира, его красот и истории:

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Перед нами своеобразное поэтическое сцепление контрастов, когда противопоставляются явления, сами в себе уже несущие заряд антитезы: *жар холодных числ* и *дар божественных видений*. Патетика этих строф усиливается настойчивым повторением союза «и» и лексикой: *германский, галльский*. Но не обольщайтесь, как бы говорит поэт, мы любим и другое, ведь мы же «варвары», «скифы».

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

И как не вспомнить Ф. Тютчева, одного из любимейших Блоком поэтов, чье творчество, несомненно, оказало заметное влияние и на поэтику, и на видение поэтом мира:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
В Россию можно только верить.

Три раза возникает в поэме тема мира и братства. Тройственный прием повторений — вообще неотъемлемое свойство поэтики Блока, по-

втор тематический, повтор композиционный. Повторяясь, звучание приобретает характер градации, усиления, достигая своего апогея в концовке. Первый раз тема мира звучит как предупреждение: остановись! Но вот после чистосердечных признаний, после попытки объяснить Европе, что же такое его страна, поэт вторично обращается к старому миру уже не с предупреждением, а с призывом. Он как бы говорит: ну вот, теперь вы знаете нас, да, мы такие, сложные, противоречивые, но мы можем любить и хранить верность другу, в нас вы найдете преданных товарищей, если примете честно протянутую руку.

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем братья!

Призыв к миру в те годы звучал в творчестве многих поэтов. Об этом же писал Маяковский в 1919 г., предваряя свое ростинское стихотворение эпиграфом: «Съезд Советов обратился к Европе с мирным предложением!»:

Рабочей России Красный рыцарь
вновь предлагает Европе мириться.

Ультимативность следующей строфы («А если нет,— нам нечего терять») перекликается с другими произведениями Блока, в которых звучит тема скифства, переданная целой цепью синонимов: *скифы, азиаты, монголы, варвары, гунны, татары*. Здесь категоричность, нетерпимость, бескомпромиссность — как свойство души народа, как, например, в стихотворении «Прискакала дикой степью...» («А, не хочешь! Ну, так с богом!»). Атрибуты скифства и отголоски его встречаются во всех наиболее сильных патриотических произведениях Блока. Здесь и *степные кобылицы*, и *татарские очи*, и *стрелы*, и *ханской сабли сталь*, и *стан половецкий*, и *кольчуги*, и *татарская буйная крепь*. Прошлое его Родины всегда связано у Блока с темой скифства, набегов степных, сражений, порой это прошлое противопоставлено настоящему:

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянёт половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки (III, 269).

Тема «скифства» зазвучала очень рано в поэзии Блока. Еще в 1900 г., до того, как был создан цикл «Стихов о Прекрасной Даме», в стихотворении «Измучен бурей вдохновенья...» мы уже слышим будущее «Покою нет! Степная кобылица несется вскачь!» и братский пир «Скифов»: «Назад! Язычица младая зовет на дружественный мир!» (I, 65). Или в «Возмездии»: «Над нашим станом, как встарь, повита даль туманом, и пахнет гарью. Там — пожар» (III, 302).

Никак нельзя согласиться с В. Жирмунским, когда он утверждает, что среди реальных исторических образов «Куликова поля» внезапно и логически неподготовленно врывается, как бы из иной реальности, символический образ степной кобылицы³. Тема России у Блока тесно

³ В. Жирмунский. Поэзия Александра Блока. В сб.: «Об Александре Блоке», Пг., 1921.

связана с темой скифства, степных набегов, табунов; поэтому скачущая кобылица подготовлена всем предшествующим содержанием стихотворения. «Домчимся!» — уже этот клич предупреждает нас о появлении кобылицы, лишенной в бою своего седока («в степном дыму блеснет святое знамя и ханской сабли сталь...»). Ведь есть в стихотворении приметы реальной битвы, боевой схватки двух сил, контрастно противопоставленных двумя метонимиями «святое знамя» (Русь) и «ханской сабли сталь» (скифы). Реальная картина боя дает поэту основу для символического вывода-обобщения («И вечный бой! Покой нам только снится...»), которое давно уже живет в истории поэтической образности как афоризм — поэтическое и мировоззренческое сredo не одного поколения поэтов и романтиков.

И опять Блок дает волю буйству и неукротимости скифских нравов, полемический задор и нетерпимость достигают своего высшего накала в предпоследних четырех строфах; по страстному, ослепленному ненавистью чувству они смыкаются с первой строфой и тематически ее продолжают; необычный порядок слов и перенос передают взволнованность поэта, когда уже не до гладкой речи:

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Свою азиатской рожей!

Кроме «азиатской рожи», здесь и монгольская орда, и свирепые гунны — картины, от которых должна холодеть кровь у изнеженных европейских буржуа. Нагнетание возможных ужасов грядущей схватки еще резче и ощутимей, так как сразу же после него — в последний раз призыв к миру и братству. Это кульминация поэмы:

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Род своего народа от скифов в поэзии вел и Валерий Брюсов. Если в стихотворении «Старый вопрос» он противопоставляет славян ордам, пришедшим с Камы и Оби, то в стихотворениях «Скифы» (1900) и «Мы — скифы» (1916) обращается к скифам как к своим отдаленным предкам, среди которых и он был бы не последним сыном:

Если б некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки,—
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий..

...Гей вы! слушайте, вольные волки,
Повинуясь жданному кличу!
У коней развиваются челки,
Мы опять летим на добычу («Мы — скифы»).

Брюсовские стихотворения были в какой-то мере данью экзотическим увлечениям в ряду таких стихотворений, как «Баязет», «Александр Великий», «Кассандра», «Ассаргадон», «Жрец Изиды» (цикл «Любимцы веков»). Поэт не вкладывал в них определенного политического смысла и полемичности. Но сама концепция темы: скифы — героические предки славян — была близка Блоку, очевидно, в какой-то мере и благодаря Брюсову.

Две последние главы блоковских «Скифов» резко противопоставлены друг другу, так резко, что угроза и ужас последней не могут уже

до конца быть сняты концовкой. Угроза эта слышится в дважды повторяющейся фразе «в последний раз» и в аллитерированном «р», несомненно смысловом и не случайном, а в «варварской лире» звучат раскаты сдерживаемого до поры гнева.

В обширной художественной литературе, посвященной истории нашей Родины, поэма Александра Блока «Скифы» все свое значение сохраняет и ныне.

Наряду с первой поэмой о революции — «Двенадцать», поэма «Скифы» стоит у истоков становления советского героического эпоса.

Кафедра русской и зарубежной литературы Дрогобычского пединститута
